

О ТРЕХ УРОВНЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ. Часть 1. ВСЕОБЩИЙ УРОВЕНЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2025 г.

Аннотация: на основе базовых принципов теории сложных систем и эволюционного подхода рассматривается процесс становления от уровня биологически заданного способа существования к социокультурной детерминации человеческого бытия. Анализируются причины перехода системы на новый, более высокий уровень организации. Рассматривается проблема случайности и причинности в становлении открытых сложных систем. На основе анализа представлений эволюционной биологии (К. Лоренц) и данных нейронаук делается вывод о том, что в основе категориальности нашего мышления лежат пространственные и временные определения. Обосновывается тезис о том, что трансцендентальная субъективность человека представляет собой многоуровневую структуру. Утверждается, что каждый уровень имеет свои априорные формы и способы схематического определения опыта. В данной части статьи анализируется базовый, всеобщий, биологически заданный уровень трансцендентальной субъективности, отправным пунктом в изучении которого обосновывается кантовское учение об априорных формах.

Ключевые слова: сложные системы, эволюция, причинность, случайность, духовное бытие, трансцендентальная субъективность, априорных формы, пространство, время, категория.

Abstract: based on the central principles of the theory of complex systems and the evolutionary approach, the transition from biological existence to the socio-cultural determination of human existence is considered. The reasons for the system's transition to a new, higher level of organization are analyzed. The problem of randomness and causality in the development of open complex systems is considered. Based on the analysis of the concepts of evolutionary biology (K. Lorenz) and neuroscience, we conclude that spatial and temporal definitions underlie the categories of our thinking. The thesis that a person's transcendental subjectivity is a multilevel structure is substantiated. It is argued that each level has its own a priori forms and features of the schematic definition of experience. This part of the article analyzes the basic, universal, biologically determined level of transcendental subjectivity, the starting point of which is the Kantian theory of a priori forms.

Key words: complex systems, evolution, causality, randomness, spiritual existence, transcendental subjectivity, a priori forms, space, time, category.

Как мы пытались показать в предыдущей статье¹, подчеркивание дуальности человеческого бытия, рассматриваемого на пересечении двух онтологически несоизмеримых уровней, можно назвать традиционным для философской мысли. Преломляясь в плоскости человеческой жизни, данная несоизмеримость выражается в столкновении двух разнонаправленных начал, осмысленных в разных философских концепциях как борьба «тела» и «духа», «чувства» и «разума», «желания» и «долга», «бессознательного» и «сверх-я», «природы» и «культуры», в контексте

религиозного мировоззрения – «земного» и «небесного», а в рамках научных представлений – как противостояние биологически заданных и приобретенных, культурных программ. Обоснование принципиальной, сущностной двумерности человека, являющегося, образно выражаясь, обитателем сразу двух различных миров, каждый из которых действует по меркам собственного законодательства и направляет единую человеческую жизнь согласно противоположным принципам и требованиям, – данное обоснование призвано объяснить неизбежную конфликтность и противоречивость нашего существования, ту часто мучительную внутреннюю борьбу, которая не понаслышке известна каждому.

¹ См.: Вяткина А. Г. К вопросу о тройственности человеческого бытия. (Часть 1) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2025. № 1. С. 9–15.

Три аспекта причинности в контексте теории сложных систем

Продолжая начатый анализ в поле идей эволюционной биологии, ставящей своей целью объяснение перехода от уровня природной организации к явлениям и закономерностям духовной, культурно обусловленной жизни, вспомним введенное К. Лоренцем понятие фульгурации, которое, по мысли ученого, призвано подчеркнуть сущностную несводимость данных уровней бытия: в процессе развития «возникают совершенно новые системные свойства, ранее не существовавшие даже в зачаточном виде» [1, с. 364]. Системные свойства, связанные с явлениями культуры, основаны на внегеномном способе передачи информации. По мысли Лоренца, специфика последнего выражается в независимом от материального объекта «свободном символе», одной из важнейших разновидностей которого выступает понятийное мышление. Рассмотрение духовно-культурного опыта через сопоставление с биологическим способом наследования распространено среди представителей как научной, так и философской мысли. В определении отечественного философа В. С. Степина культура предстает как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности...» [2, с. 527]. Характеризуя данные программы, Степин отмечает: «В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме...» [там же]. Они служат для воспроизводства многообразных форм социальной жизни, доказавших свою эффективность в процессе адаптации к окружающему миру.

Вместе с тем, хотя биологические и культурные программы выполняют схожие функции, возможность выделения общего основания вовсе не означает сущностную тождественность сопоставляемых феноменов. В связи с этим британский ученый Р. Докинз говорит о необходимости введения наряду с понятием гена, выражающим биологический способ передачи информации, особого термина, который бы раскрывал специфику духовного воспроизводства и выступал своего рода «репликатором» культурного наследия: «От подходящего греческого корня получается слово “мимема”... я сокращу слово “мимема” до “мем”...» [3, с. 295]. И хотя новые системные свойства не выводятся из биологических программ и ни в каком виде не содержатся на предшествующих этапах эволюции, в то же время они не смогли бы возникнуть без предварительных условий, ведущих к их появлению. В рамках теории систем утверждается, что открытая сложная целостность имеет множество путей развития: в конкретных условиях возникает определенный круг возможных структур, одна из которых осуществляется в действительности.

И эта воплощаемая в конечном итоге структура «не какая угодно», она «определяется некими принципами наиболее устойчивого развития процесса» [4, с. 110]. В данном пункте мы касаемся чрезвычайно сложного и неоднозначного вопроса, связанного с поиском причины перехода системы на новый, более высокий уровень организации. Когда речь идет о сложных открытых системах, взаимодействующих с окружающей реальностью, причинность предстает как исключительно многогранный феномен. Представляется, что в нем можно выделить, по крайней мере, три аспекта. Первой причиной развития целостной структуры является влияние внешней среды. В рамках системного подхода любая целостность всегда рассматривается в единстве с окружающей ее реальностью. Последняя во многом определяет необходимость сохранения или трансформации существенных свойств наличного целого. Данная трансформация, как указывает Е. Н. Князева, «не какая угодно», а движется в сторону эффективного и «наиболее устойчивого» взаимодействия с окружающей средой. Второй аспект причинных отношений связан с внутренней структурой самого целого, его составными частями и особенностями взаимодействия между ними и т. д. Вполне очевидно, что обозреть всю совокупность характеристик, влияющих на развитие столь многосторонней сложности, невозможно в принципе. Поэтому различные авторы, в зависимости от своих научных и личных интересов, выделяют из этой совокупности те или иные срезы, фрагменты, относительно которых предполагаются свойства системы, ее элементы и особенности функционирования. И в этом определяющем воздействии субъекта исследования заключается третий аспект причинности в рамках теории сложных систем, признаваемый не менее существенным и влиятельным, чем первые два.

Последний пункт не является тривиальным и требует пояснения. Любой фрагмент реальности вплетен в окружающий мир тысячами нитей, многие из которых не видны и в принципе закрыты для человеческого познания. Но даже те связи, которые потенциально доступны нашему вниманию, невозможно учесть в рамках единого теоретического построения. Кроме того, то, что видит в том или ином фрагменте реальности один человек, может вовсе не замечать другой. То, что кажется существенным для одного исследователя, является второстепенным для другого. В этом отношении деятельность субъекта в подлинном смысле созидательна и проникнута его собственным видением: он отсекает из многообразных вплетений тот фрагмент реальности, который представляется ему наиболее важным, выпуклым, выделяет замеченные им элементы и на основе своего внутреннего чутья обосновывает возможные

формы их интеграции. Как пишет французский философ Э. Морен, «в извлечении, изоляции, определении системы всегда имеется нечто неопределенное или произвольное... Субъект вмешивается в определение системы в своих интересах и посредством их...» [5, с. 175]. Таким образом, он вносит в существенные характеристики образуемого целого свою индивидуальность, культуру, научную специализацию и другие формы «сверхдетерминации».

Вполне естественно, что в этом случае мы вправе погрузиться в сомнения: а вдруг выделенные элементы не образуют интеграцию, или мы упускаем какую-то важную составляющую, или, быть может, наше «отсечение» системы в целом слишком грубо и необходимо включить в круг рассмотрения дополнительные феномены и отношения? По мысли Морена, субъективный характер причинности порождает два крайне важных принципа, лежащих в основе системного подхода. Первый из них французский философ определяет как принцип неопределенности, согласно которому нет каких-то всеобщих и однозначных критериев правильности в конструировании целого. А второй характеризуется как принцип искусства, требующий от исследователя не только строгости рассуждения и владения соответствующими научными методами, но, прежде всего, художественной чуткости при созерцании изучаемой реальности – способности тонко воспринимать гармонию системы, видеть в ней целостную композицию, слышать ее звучание, вовремя распознавая фальшивые ноты. Система – это не просто совокупность разрозненных частей, случайно оказавшихся в одном месте, нужно уметь понимать ее внутреннюю жизнь. И если алгоритмизированным научным методам можно обучить, то художественная составляющая мышления развивается довольно трудно и неоднозначно. «Принцип искусства», по мысли Морена, выражается в тонком анализе реальности, следует «очертаниям ее сочленений» и противоположен бездумному «кромсанию» фрагментов мира на произвольные части. В этом смысле субъективное чутье истинного художника ведет его вслед за реальностью, позволяет ему видеть цельное бытие системы. В то же время в поле своей субъективности автор дает говорить возникающему целому, а зазвучит оно или нет – дело таланта, проницательности, случая... И если зазвучит, то всегда об истине, ибо даже фальшивые звуки, свидетельствуя о заблуждении, рассказывают об истинности бытия.

Таким образом, и мы в рамках данной статьи не избежим субъективной детерминации, интересуясь проблемой человека в контексте обнаружения различных уровней его бытия и выделения соответствующих трансцендентальных структур и схематизмов, присущих каждому из них. В своем рассмотрении мы отталкиваемся от биологических концепций,

которые обосновывают сущностное различие и в то же время «композицию» природно-биологического и духовно-культурного измерений, намереваясь продолжить полученные выводы в плоскости философского анализа.

Далее, памятуя обо всех перечисленных опасностях и возможных промахах, для начала обратимся ко второму выделенному аспекту причинности, связанному с внутренним содержанием самой системы. Для возможности возникновения определенной целостности должны быть в наличии конкретные элементы, из которых она впоследствии формируется как интеграция более высокого порядка. При этом Лоренц полагает, что полное знание свойств данных элементов не позволяет с абсолютной уверенностью предсказать развитие новой системы. «Мы точно знаем, что высшие системы возникли из низших... Но каждый акт их “построения” представлял собой “Fulguratio”... это событие каждый раз носило характер случайности...» [1, с. 370].

В данных представлениях есть, по крайней мере, три пункта, которые наводят на вопросы и дискуссии.

Первый пункт – это убежденность Лоренца в возможности полных сведений относительно свойств и структурных элементов некой наличной организации, «нынешней структуры» [там же, с. 369]. Ученый высказывает убеждение, что принципиальные пробелы в знании возникают только в том случае, когда мы копаем вглубь прошлого, пытаемся отследить «предысторию вида». Однако в свете сказанного о влиянии субъективности и вплетенности системы в целостность мира, некий единый перечень элементов и системных свойств кажется сомнительным. Собственно личный опыт ученого в попытке выделения познавательных подсистем, интеграция которых привела к возникновению духовно-культурного уровня, уже должен был бы породить скепсис относительно возможности полноты в данном вопросе. Так, Лоренц признает, что сначала выделил три подсистемы, а уже дальнейший, более внимательный анализ заставил его добавить к имеющемуся перечню еще два элемента. (Ниже мы обратимся к данному сюжету.) Однако едва ли можно обладать абсолютной уверенностью, что полученный в конечном итоге состав элементов является исчерпывающим и достаточным для возникновения искомой системы более высокого порядка.

Второй пункт заключается в том, что, говоря о предпосылках и условиях становления понятийного мышления, Лоренц считает нужным обращаться к ближайшему, предварительному уровню организации системы: «...Свойства и закономерности всей системы в целом, а также любой из её подсистем, всегда следует объяснять, исходя из свойств и закономерностей тех подсистем, которые находятся на ближайшем

низшем уровне интеграции. А это возможно лишь при условии, что известна структура, соединяющая подсистемы этого уровня в высшее единство» [там же, с. 368]. Биолог полагает, что в случае выполнения этого условия можно объяснить любую высокоорганизованную живую систему. Однако, во-первых, в сложных открытых системах далеко не всегда ясно, какой уровень считать предварительным. Тесная сплетенность явлений друг с другом не позволяет дифференцировать данный момент однозначно. Сам ученый рассматривает прежде всего «когнитивные функции», представляющие собой психические механизмы восприятия, интеграция которых привела к возникновению духовного уровня. Однако это только один из возможных углов зрения на данную проблему. Ряд ученых при рассмотрении свойственных человеку особенностей мышления акцентируют внимание на другом уровне – анализе изменений, произошедших в мозге в ходе эволюции. Что касается пункта о познаваемости свойств более высокого уровня организации, то понимание духовности относится к давним и дискуссионным вопросам философии и науки. Лоренц же сводит системные свойства духовного, рассматриваемые как собственно человеческие характеристики, к понятийному мышлению и словесному языку, тем самым крайне сужая проблему.

Случайность в концепциях системного подхода

Третий пункт, относительно которого возникают вопросы, связан с понятием фульгурации, которое рассматривается автором как абсолютно случайное событие. Действительно, с точки зрения предшествующего этапа развития возникающие системные свойства представляют собой принципиально новые сущностные определенности, не содержащиеся на более низких уровнях организации. А потому справедливо утверждение ученого, что данное возникновение невозможно предсказать исходя из знания наличной системы, ее заданных свойств и структуры, даже если бы таковое знание было абсолютно полным. И в этом случае, действительно, фульгурация будет являть собой случайное событие, относительно результата которого невозможно предсказание. В то же время автор заявляет, что если известны все свойства предшествующего, более низкого, этапа развития, то «при полном знании такой структуры можно в принципе объяснить... любую, даже самую высокоорганизованную живую систему со всеми её функциями» [там же]. Но если такое исчерпывающее объяснение возможно, то появление нового системного свойства уже никак не может быть случайной фульгурацией. Возникновение принципиально нового действительно рождается из акта случайности, однако именно поэтому оно есть разрыв, провал в бытийствовании ста-

рых связей. Новое не связывается со старым одной нитью, оно формирует самостоятельный отдельный узел и начинает следующий виток сущностно иных отношений. Именно поэтому даже исчерпывающее знание свойств появившегося в акте фульгурации уровня не позволяет полностью вывести и объяснить его из предшествующих структур.

В возникновении данного противоречия чувствуется недостаток философской рефлексии. Теория сложных систем и синергетика в интересующем нас вопросе утверждают одно и то же – зарождение нового в структурах бытия возможно лишь в том случае, если последние содержат в себе моменты беспорядка, дезорганизации, небытия. Сказанное тем более относится к сфере антропологической проблематики, ведь человека невозможно свести к системе с заданными свойствами, – принципиальная неопределимость человеческого бытия, которое в сути своей раскрывается как ничто, ничтожение, дает возможность случайности проникнуть в ткань нашего существования, вплетая в него принципиально новые, ранее не бывшие структуры. В то же время, хотя развитие есть фульгурация, представляющая собой новую случайную форму интеграции различных имеющихся элементов, отнюдь не любое произвольное сочетание частей оказывается выполнимым. В этом смысле говорят об «упрямстве» системы, которая допускает лишь некий определенный круг возможных путей развития, исключая те, которые не укладываются в ее природу или противны ее внутренним тенденциям: «Будущее открыто и непредсказуемо, но не произвольно» [4, с. 198].

В связи с этим Лоренц замечает, что новая интеграция представляет собой лишь малое изменение прежнего ракурса системы, небольшое смещение акцента. Вместе с тем ученый подчеркивает то грандиозное значение, которое эта малость имеет для будущего системы. Как пишут Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «действие происходит не громоздким образом, а именно от малых сотрясений, от шепота. В этом состоит своеобразное грозное очарование магии. Именно шепот, а вовсе не крик сотрясает горы» [там же, с. 60]. Развитие новых системных свойств нередко сравнивается в литературе с чем-то сверхъестественным: «здесь имеют место внезапные первичные воздействия как бы из ничего» [6, с. 160]. Спекуляции на данную тему не обходят вниманием также и Лоренц, пытаясь обосновать именно естественность и своего рода «закономерность» в возникающих случайных фульгурациях системы. Насколько авторам вообще удастся сохранить случайный характер появления принципиально новых свойств – это вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Ведь там, где мы не можем дать некому процессу строгое объяснение, выразив его в формах закономерности и

необходимости, там он начинает восприниматься как нечто таинственное и чудесное. Отсюда вполне понятны противоречия, возникшие в логике австрийского биолога, которые мы рассматривали выше, – чем значительнее усилия, которые он прикладывает, чтобы показать естественность процесса зарождения нового, тем больше самый процесс начинает раскрываться как необходимый и строго определенный и тем меньшая доля случайности остается в его актах. Здесь сразу вспоминается логика Эпикура с его «чуточным» отклонением атома от заданной траектории. Так, Лоренц, обосновывая необходимость предшествующего развития системы, фактически подготовившего возможность перехода на новый уровень, подчеркивает «кажущуюся незначительность тех изменений и интеграций ранее существовавших систем, которые привели к столь глубокому перевороту. ... Не понадобилось существенного изменения функций... механизмов... потребовалось лишь несколько сместить акцент...» [1, с. 496–497]. Однако при этом вроде бы «столь незначительном шаге» на сцене эволюции появляется «совершенно новое когнитивное явление, в принципе тождественное исследовательской деятельности человека» [там же, с. 497].

Пространство и время как основания категориального синтеза

Данные механизмы, выступившие в качестве подсистем, требуют внимательного и всестороннего анализа, что невозможно обстоятельно осуществить в рамках настоящей работы. Мы затронем их лишь в той мере, в какой этого требуют цели статьи. Итак, по всей видимости, изначальное намерение Лоренца заключалось в том, чтобы подобрать когнитивные функции, интеграция и «незначительные» изменения в которых могли бы породить новую познавательную способность, адекватную понятийной исследовательской деятельности человека. Ученый выделяет пять следующих механизмов: абстрагирующая функция восприятия, пространственная ориентация, любознательное поведение, произвольное движение и подражание. Что касается первого механизма, абстрагирующая функция восприятия позволяет узнавать объект как один и тот же, несмотря на все изменения, происходящие с ним с течением времени. Хотя в формальном отношении данная функция аналогична рациональной операции, она, несомненно, не является сознательной, разумной способностью. Однако, как можно предположить вслед за рассуждениями нейробиологов, именно на базе рассматриваемой функции в сознании человека устанавливается такая априорная форма мышления, как субстанция, в кантовском смысле данного термина. Субстанция фиксирует постоянные качества, которые приписываются объекту как неизменные,

несмотря на все возможные трансформации, происходящие с ним в опыте.

В свою очередь, механизмы пространственной ориентации и произвольного движения служат формированию «центрального представления пространства, лежащего в основе всех высших типов понимающего поведения» [там же, с. 489]. Понимающим автор называет такие действия, которое позволяют давать адекватный, «осмысленный» ответ на определенную ситуацию внешнего мира, «даже если эта ситуация в ее специальной наличной форме никогда не встречалась... отдельному организму в его индивидуальной жизни» [там же, с. 358]. Очевидно, что такой ответ предполагает владение некоторой степенью абстрагирования, способностью подведения множества различных ситуаций под соответствующие схемы и умение оперировать ими в конкретных обстоятельствах. По поводу происхождения такого рода абстрактных моделей Лоренц пишет: «Я не вижу, как может мышление быть чем-то принципиально иным, нежели... действием в воображаемом пространстве» [там же, с. 473]. Именно форма пространства рассматривается ученым как основа осуществляемых человеком мыслительных операций. Однако существует и иная точка зрения, утверждаемая, в частности, Хайдеггером, признающая таковой основой не пространство, а время.

Один из дискуссионных вопросов философии и науки связан с соотношением пространства и времени как форм чувственного созерцания. Можно ли говорить, что одна из них является первичной, или базовой? С точки зрения Хайдеггера, «время имеет первенство перед пространством» [7]. Тогда как Лоренц полагает, что основной формой является пространство, через которое мы понимаем и временные характеристики [1, с. 474]. Тесную связь, проявляющуюся в самом характере чувственного синтеза, присущего рассматриваемым формам, отмечает также Кант: «...Мы можем представить себе время... не иначе, как имея образ линии... так как без этого способа изображения [времени] мы не могли бы познать единицу его измерения...» [8, с. 112–113]. Однако данная форма имеет свои существенные отличия и собственные механизмы синтеза: если части пространственной линии всегда сосуществуют вместе, то моменты времени возникают один после другого. Также времени отводится роль связующего звена между разнородными способностями чувственности и рассудка. И именно данной форме, в представлении Канта, принадлежит первенство перед пространством.

Но каким образом воплощается связь этих столь разнородных способностей и что есть схема как реализация данной связи? Если вдуматься в смысл кантовских определений, то время длит некий логи-

ческий принцип или характеристику в соответствующей схеме, имеющей определенное выражение в пространственных характеристиках (пример Канта со схемой треугольника). Данный сюжет, безусловно, требует специальных пояснений, сейчас же заметим только, что само это схематическое «продление» становится возможным посредством дифференцирования моментов, вносящих различия в материал опыта, или, пользуясь иной теоретической перспективой, в ткань самого бытия. Так, схема субстанции есть длительность некоторого постоянного признака во времени. Но схватить и осмыслить его как постоянный мы можем только на фоне некоторых временных изменений, параллельно происходящих или во внешнем, или во внутреннем опыте. Другой пример: схемой количества является число, конструирующим принципом которого является последовательное прибавление единиц, а потому, как пишет Кант, в данном процессе «я произвожу само время» [там же, с. 126]. Таким образом, время вносит различия, или, смотря по-другому, позволяет им проявиться, а потому вне данной формы не может произойти ни один акт конструирования и синтеза, ни пространственный, ни в том числе осуществляемый категориями рассудка. И если пространство можно представлять как нечто цельное и статичное, как образ парменидовского бытия, лишённого внутренних различий и множественности, то самая суть времени предполагает динамику и процесс. Лишь на его основе мы можем представлять возможность бесконечной делимости отрезка или бесконечного продолжения прямой. «Процесс и время неотделимы друг от друга. Они вместе возникают, существуют и заканчиваются» [9, с. 118]. Время есть чистое полагание, и, поскольку всякий момент прошлого никогда не останавливается на месте, а всегда отрицается и заменяется новым «теперь», его также можно рассматривать как всегда творческий процесс, или, что удалось Хайдеггеру, увидеть в данной форме глубинную структуру человеческого бытия и доказать таким образом его безосновность.

Не пытаясь вступать в дискуссии по поводу того, можно ли назвать какую-то из рассматриваемых форм чувственности базовой или производной, обратим внимание на тот факт, что пространственные и временные характеристики находят отражение во всех категориях рассудка, которые представляют собой определенное правило, или порядок синтеза, вносимый в многообразный материал данных. Если время запускает сам процесс и задает его направленность, открывая возможность действия, реализующегося в последовательности отдельных актов, то пространство структурирует отношения между одновременно существующими элементами действия и определяет возможные способы их взаимосвязи. На этом осно-

вании многие философы и ученые (в том числе Ж. Пиаже, К. Лоренц) полагают, что в основе нашей логики, как и мышления в целом, лежат первичные пространственные отношения. Так, логические операции конъюнкции, дизъюнкции, импликации и др. рассматриваются как производные от различных пространственных манипуляций – соединения, разъединения, переворачивания, следования и т. д. А Кант в своей системе категорий, которые выражают синтетические функции логических суждений, пытался выявить все возможные способы связывания чувственных созерцаний, расположенных в пространстве и времени. По мысли немецкого философа, данная система отражает всеобщие формы человеческого сознания. А если некоторые структуры присущи всем людям, то, как полагают ученые, данный факт свидетельствует в пользу их биологического происхождения. Лоренц в своих трудах пытается обосновать природные истоки всеобщих и неизменных трансцендентальных структур, в понимании которых ученый основывается на кантовской теории познания. Наибольшее внимание при этом он уделяет пространству, субстанции и причинности. Кроме того, представители как философии, так и науки обосновывают не просто связь нашего мышления с пространством, но также подчеркивают зависимость данной формы восприятия от человеческого тела, на основе которого определяются основные пространственные направления – вверх-вниз, вправо-влево, вперед-назад. В силу отмеченных связей делается вполне оправданным обращение Лоренца к анализу биологически заданных когнитивных механизмов в контексте проблемы возникновения понятийного мышления и духовного уровня бытия в целом.

Всеобщий уровень трансцендентальной субъективности

Итак, можно утверждать, что свойственная человеку структура трансцендентальной субъективности имеет определенный врожденно заданный, всеобщий уровень, выступающий своего рода «скелетом» (Лоренц), на основе которого мы формируем мир «для себя». Такого рода трансцендентальный всеобщий фундамент В. А. Бажанов связывает с «корневыми системами», «которые являются врожденными структурами мозга» [10, с. 49]. Что характерно, в качестве данного фундамента отечественный философ, вслед за представителями современной нейронауки, перечисляет практически те же системы, определяемые как «автономные модули», что и Лоренц, а именно: способность фиксировать отдельные объекты, ориентироваться в пространстве, воспринимать конкретные действия организма. Вместе с тем в этот перечень добавляется еще одна структура, определяемая как базовая, – способность мгновенно осознавать неболь-

шое (3–4) количество объектов, что называется в литературе «чувством числа». «Нейропсихологи высказывают убеждение, что сколь угодно сложные виды материальной и духовной деятельности строятся на фундаменте этих достаточно простых систем...» [там же, с. 50]. Как мы пытались показать, данные когнитивные системы лежат в основе выделенного Кантом *a priori*. Анализ концепции Лоренца с точки зрения современных нейронаучных представлений показывает глубину интуиций австрийского ученого, увидевшего непреходящее значение кантовской системы априорных форм в контексте анализа фундаментального всеобщего уровня трансцендентальной субъективности человека. В настоящей работе мы не касаемся вопроса, насколько полно данная система отражает этот базовый уровень. Очевидно, что в него входят пространство и время и такие категории, как субстанция, причинность, количество. Именно этим формам в силу их более очевидной роли в ходе мыслительной деятельности уделяется в литературе пристальное внимание. Мы лишь хотим зафиксировать многоуровневость трансцендентальной субъективности, обосновав кантовское учение об априорных формах в качестве отправной точки для изучения ее базовой структуры, которая имеет биологические истоки.

Обратимся теперь к оставшимся двум функциям, указанным Лоренцем в числе подсистем, интеграция которых произвела фульгурацию духовно-культурного уровня бытия, – это любознательное поведение и подражание. В человеческом социуме эти две функции в сути своей противоречат друг другу. Ибо подражание направлено на сохранение и передачу накопленного опыта, тогда как исследовательские программы устремлены к расширению последнего и изменению существующих культурных традиций. Однако, как подчеркивают ученые, в животном мире данная программа в основном обслуживает биологические потребности и нацелена на более эффективное приспособление к окружающей среде. То самое «незначительное» изменение акцента, которое произошло в результате перехода на новый уровень бытия, по мысли Лоренца, заключается в том, что любознательное поведение меняет свою изначальную цель и направляется на процесс познания как таковой, удовлетворение любопытства и получение знаний ради них самих. Что касается функции подражания, она играет исключительно важную роль в освоении культурного наследия, воплощенного в существующих традициях, без чего вообще невозможно представить духовное бытие человека и, в том числе, развитие его познавательной деятельности.

Вместе с тем наряду с глубокими прозрениями концепция Лоренца не лишена трудностей. Как упоминалось выше, по мысли австрийского ученого,

новые системные свойства «всегда» следует объяснять на основании закономерностей тех элементов, которые находятся на ближайшем, более низком уровне организации. Согласно логике Лоренца, духовный уровень нужно рассматривать на основе психического, куда собственно и относятся выделяемые им когнитивные механизмы, выражающие особенности восприятия внешнего мира. Психический уровень, в свою очередь, должен быть объяснен на основе органического. Однако не все исследователи соглашались с такой последовательной и однозначной зависимостью в объяснении развития. Безусловно, нельзя не согласиться с важностью предыдущего этапа, но при этом отмечается, что в процессе становления на более высоком уровне может происходить сложное объединение «предшествующих исторических... (стадий) развития»: «в состоянии нестабильности открытой нелинейной системы может установиться всепроникающая связь различных уровней организации; может происходить «прободение уровней»...» [4, с. 60]. Так, многие ученые смотрят на проблему становления духовных и познавательных способностей человека через призму развития мозга, его структуры и отделов. Но логика «ближайшего уровня» предполагает, что сначала произошло развитие мозга, а уже потом на этом сформированном, «готовом» органическом субстрате возникли рассмотренные выше когнитивные механизмы, интеграция которых на последующем духовном уровне и породила человеческую рациональность. Ведь Лоренц не включает формирование мозга в число необходимых подструктур. В то же время исследования ученых приводят к совсем другому выводу: становление когнитивных способностей и развитие мозга не представляют собой два независимых процесса – в ходе эволюции имеет место взаимное влияние данных структур друг на друга. Но Лоренц не только не спорит с данным утверждением, а, напротив, однозначно с ним соглашается [1, с. 524]. Но не должна ли в таком случае система мозга также быть включена в качестве элемента при объяснении фульгурации духовного бытия, что соответствует тезису о «всепроникающей связи различных уровней организации» и своего рода «прободении уровней»? Мы не находим однозначного ответа на данный вопрос в поле идей австрийского биолога.

Одна из наиболее дискуссионных проблем современной философии и науки связана с вопросом о соотношении когнитивных способностей и мозга человека, – порой уже кажется, что над ней сломаны все имеющиеся интеллектуальные копыя. С точки зрения системного подхода вполне закономерно, что решение не удастся обнаружить на путях установления соотношения определенных аспектов мыслительной деятельности с теми или иными отделами или

клетками мозга, что соответствует дуалистической линии Декарта в рамках проблемы сознания. Скорее биологическое и духовное стоит рассматривать не как два независимых параллельных этажа, а как взаимосвязанные структуры в рамках более широкого организационного пространства (линия Спинозы). А потому у нас есть основания обратиться к вопросу, связанному с особенностями эволюции мозга, тем более что в нем раскрываются крайне важные выводы о характере культурного уровня бытия и соответствующих ему трансцендентальных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц К. Обратная сторона зеркала : сборник трудов / пер. с нем. и предисл. А. И. Фета ; ред. А. В. Гладкого. Nyköping (Sweden) : Philosophical arkiv, 2016. 633 с.
2. Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. Минск : Интерпрессервис, 2001. С. 527–529.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ : CORPUS, 2013. 509 с.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика : нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М. : КомКнига, 2011. 272 с.
5. Морен Э. Метод. Природа природы. М. : Прогресс, 2005. 464 с.
6. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М. : Алгоритм, 2006. 528 с.
7. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. URL: [https://www.hse.ru/data/2011/05/30/1212618091/Хайдеггер М - Кант и проблема метафизики.doc](https://www.hse.ru/data/2011/05/30/1212618091/Хайдеггер%20М%20Кант%20и%20проблема%20метафизики.doc)
8. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.
9. Лолаев Т. П. Проблема времени в философии и естествознании // Философские исследования. 2007. № 2. С. 117–132.
10. Бажанов В. А. Мозг – культура – социум : кантовская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ : Реабилитация, 2019. 288 с.

Воронежский государственный университет

Вяткина А. Г., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: allavia85@mail.ru

Voronezh State University

Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: allavia85@mail.ru